

Казахстан и «русский мир» ВОЗМОЖНА ЛИ НОВАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ?

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 364

Июнь 2015

Вячеслав Морозов
Тартуский университет

Аннексия Крыма и последующая поддержка Россией сепаратистов в восточной Украине породили опасения, что подобный сценарий может повториться в другом месте. Особое беспокойство вызывает тот факт, что в оправдание интервенции приводился аргумент о необходимости защиты этнических русских, чьи права якобы нарушались новыми украинскими властями, и что идея «русского мира» приобретает все большее значение для российской внешней политики в целом. Русскоязычные меньшинства, проживающие повсюду на постсоветском пространстве, могут стать инструментом провокационной

политики Москвы. Чаще всего в качестве возможных целей называют балтийские государства и Молдову, однако и Казахстан, как полагают, уязвим в этом отношении.

Русскоязычное меньшинство в Казахстане насчитывает около 4,3 млн человек, то есть 23,7% населения. С учетом других групп, традиционно подпадающих под определение российских «соотечественников», их доля возрастает до 27%. Немаловажно, что русскоязычное население сосредоточено на севере и востоке страны, вдоль границы с Россией. Доля славянского населения превышает половину в большинстве административных районов Северо-Казахстанской, Кустанайской и Акмолинской областей, а также в приграничных районах Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей (см. карту). Кроме того, казахов, как правило, еще меньше среди горожан, что делает доминирование российской идентичности в этих регионах еще более явным.

Обсуждение возможного российского вмешательства в дела Казахстана может показаться ненужным паникерством, однако поскольку эта тема уже неоднократно поднималась в средствах массовой информации, игнорировать ее также неразумно. К тому же, один из уроков Крыма состоит в том, что даже если тот или иной сценарий выглядит невероятным в конкретной исторической ситуации, он может стать реальностью в случае перемены обстоятельств. Вместо того, чтобы игнорировать риски или попусту поднимать тревогу, следует трезво и реалистично оценить вероятность различных вариантов развития событий.

Цель данной аналитической записки состоит в оценке рисков на основе анализа наиболее неблагоприятного сценария. Отправной точкой в этом анализе служит различие намерений и возможностей. У нас нет достоверной информации о планах российского руководства, поэтому следует допустить, что Кремль вновь воспользуется идеей «русского мира» для покушения на территорию соседних государств, если представится удобный случай. Следует подчеркнуть, что это не прогноз, а всего лишь допущение, позволяющее вывести за скобки те факторы, для оценки которых отсутствуют необходимые данные. Для анализа возможностей, в свою очередь, я предлагаю обратить внимание на один ключевой аспект действий России в отношении Украины, который обычно не замечают, проводя аналогии с другими подобными ситуациями.

Один из важнейших внешнеполитических ресурсов любого государства – легитимность в глазах собственного населения. Авторитарным режимам она необходима, пожалуй, даже больше, чем демократиям. Стремление гарантировать массовую поддержку режима, сплотив население в противостоянии реальной или воображаемой внешней угрозе, было

одной из наиболее значимых причин вмешательства Кремля в дела Украины. Для этого пришлось прибегнуть к массовой пропагандистской кампании, которая, однако, была развернута далеко не на пустом месте: она не могла не опираться на распространенные в обществе стереотипы и нарративы. Сравнение Украины и Казахстана по этому параметру позволяет выявить существенные различия и сделать вывод, что повторение той же цепочки событий в Казахстане в краткосрочной перспективе маловероятно. Мой анализ не исключает других сценариев возможной интервенции, однако показывает несостоятельность аналогий между Украиной и Казахстаном, если они основаны исключительно на наличии в обеих странах русскоязычных меньшинств. В долгосрочной перспективе для оценки возможных рисков необходимо использовать мониторинг публичного дискурса, который позволит оценить вероятность повторения украинского сценария.

«Завтра Казахстан, послезавтра Россия»?

Российская интервенция в Крыму и восточной Украине стала возможной в результате резкой дестабилизации внутренней ситуации в ходе очередной революции. Российская пропаганда радикально преувеличила масштабы этой дестабилизации, утверждая, что этнические русские в соседней стране уже стали или вот-вот станут жертвами массовых насильственных действий.

В отличие от Украины, обстановка в Казахстане оставалась относительно стабильной на протяжении всего постсоветского периода. В то же время известно, что персоналистские режимы непрочны и неизбежно сталкиваются с проблемой наследования власти. Беспорядки в Жанаозене в декабре 2011 года, эхом прокатившиеся по всей стране, показали, что в Казахстане существует значительный протестный потенциал. Более того, географическое положение Казахстана делает его уязвимым перед лицом возможной дестабилизации вблизи его южных границ, особенно в свете неясных перспектив Афганистана и шаткого политического равновесия, имеющего место в других центральноазиатских государствах, особенно в Кыргызстане и Таджикистане.

Нестабильность как таковая, однако, не может служить достаточным основанием для интервенции. Уже со времен «оранжевой революции» 2004 года, если не раньше, Украина воспринималась российскими элитами как поле боя между Россией и Западом, в особенности Соединенными Штатами. Оба «майдана» – 2004 и 2013–14 годов – с этой

точки зрения были напрямую спровоцированы Вашингтоном, конечная цель которого состоит в свержении нынешнего режима в России: «Сегодня Киев, завтра Москва». Эта картина укоренена в унаследованном с советских времен бытовом антиамериканизме простых россиян, которые верят, что НАТО всегда была главным противником России и главным инструментом США в борьбе за мировое господство.

В том случае – пока маловероятном, – если в Казахстане завтра начнется «цветная революция», российские элиты скорее всего опять увидят в этом результат антироссийской интервенции. Однако им будет значительно труднее представить любые подобные события в качестве прямой угрозы суверенитету и безопасности России. В отличие от Украины, у Казахстана нет реальных перспектив вступления в Европейский Союз или НАТО. Какое бы правительство не пришло к власти, у него едва ли будут основания для выхода из Евразийского экономического союза (ЕаЭС) – проекта, судьбу которого Владимир Путин принимает близко к сердцу. Даже если решение о выходе почему-либо будет принято, этот шаг будет сложнее интерпретировать как ведущий к окружению России Западом.

Более тесные отношения с Китаем могут стать для будущего казахстанского правящего класса альтернативой сближению с Западом. В принципе, разворот Казахстана в сторону Китая может представлять для российских интересов угрозу более существенную, нежели гипотетический выбор в пользу Запада. Однако в официальной российской пропаганде последовательно формируется дружественный образ Китая как партнера по строительству многополярного мира в пику американской гегемонии. Российское общественное мнение едва ли будет готово немедленно принять как данность прямо противоположную картину мира, в которой Китай занял бы место НАТО, а Казахстан играл бы роль его приспешника. Вернуть к жизни воспоминания о советско-китайской конфронтации или вновь раздуть страхи по поводу массовой иммиграции китайцев на российский Дальний Восток будет, вероятно, не так уж сложно, однако этого будет недостаточно для оправдания враждебных действий против Казахстана. Главный элемент, отсутствующий в такой картине, – это серьезная и неотвратимая угроза, якобы нависшая над «соотечественниками» в приграничных регионах.

Контрасты «русского мира»

Даже если Россия в конце концов столкнется с весомым и недвусмысленным вызовом ее интересам в Центральной Азии, будь то распространение экстремистских движений или

китайская экспансия, этого будет недостаточно, чтобы поставить под вопрос существующие границы. Следуя украинскому сценарию, Москва должна была бы продемонстрировать, что рост нестабильности напрямую угрожает русскоязычному населению. Даже с учетом огромных возможностей российского пропагандистского аппарата, это невозможно будет сделать за один день, особенно с учетом того, что в нынешнем дискурсивном поле для этого нет никаких предпосылок.

В случае с Украиной, четкий образ врага, прямо противоположные исторические нарративы и символы существовали задолго до начала открытой конфронтации. Целое поколение российских националистически настроенных политиков, среди которых особое место занимал бывший мэр Москвы Юрий Лужков, сделали карьеру, проталкивая мифы о Крыме как неотъемлемой части «русского мира», о бедственном положении русского языка в Украине и о фальсификации истории как едва ли не главном занятии украинского руководства, якобы стремившегося создать образ России как империи зла в глазах как украинской, так и западной публики.

«Войны памяти» действительно велись в Украине, хотя и в гораздо меньших масштабах, чем это рисовали российские националисты. К числу мер, наиболее значимых по своим негативным последствиям, следует отнести закон 2006 года, официально провозгласивший Голодомор 1932–33 годов геноцидом украинского народа, а также последующие безуспешные попытки тогдашнего президента Виктора Ющенко ввести уголовную ответственность за отрицание Голодомора. Шаги в направлении политической реабилитации радикальных националистических лидеров, воевавших против советской власти в период Второй мировой войны и в послевоенные годы, также внесли свой вклад в растущее отчуждение между двумя народами. Не прошли незамеченными и бесконечные дебаты о статусе русского языка: показательно, в частности, что одним из важнейших поводов для аннексии Крыма стало одобрение украинским парламентом сразу после победы Евромайдана законопроекта (так и не подписанного президентом), отменяющего закон 2012 года, согласно которому русский язык получал официальный статус регионального.¹

Таким образом, в случае с Украиной в распоряжении российской пропаганды имелось достаточно предпосылок для создания образа врага, который затем подвергся радикализации. В отношении Казахстана ничего подобного нет и никогда не было.

¹ Вопрос о том, были ли эти политические шаги украинских властей в той или иной степени оправданы, важен сам по себе, но не имеет значения для оценки вероятности повторения кризиса.

Русский язык в Казахстане имеет официальный статус «языка межнационального общения»; им владеют 95% населения, в отличие от казахского, на котором говорят лишь 65%. Кроме того, ни один из регионов северного или восточного Казахстана не имеет для российской национальной мифологии особого символического значения. Места, связанные с крупнейшими достижениями советских времен, – космодром Байконур, целинные земли, освоенные в конце 1950-х – начале 1960-х, семипалатинский ядерный полигон – как с символической, так и с геополитической точки зрения не выдерживают даже отдаленного сравнения с Крымом. Александр Солженицын, который в 1990 году предположил, что Казахстан, или по крайней мере его северная и центральная часть, должен остаться в составе единого государства с Россией после скорого краха советского режима, пользуется глубоким уважением многих россиян, включая президента Путина. Однако это его предложение обсуждается почти исключительно критиками Кремля, в особенности среди казахстанских интеллектуалов, и не является сколько-нибудь значимым элементом представления о «русском мире».

Казахстанские элиты, безусловно, испытывают беспокойство по поводу планов России в отношении их страны, однако едва ли можно говорить о сравнимом уровне ответного внимания к Казахстану со стороны российской общественности. Память о Второй мировой войне, один из ключевых спорных пунктов между Россией и ее западными соседями, в целом является общей для Казахстана и России, тогда как существующие разногласия никогда не политизируются. Постольку, поскольку Казахстан стремится утвердить свой собственный исторический нарратив в противовес российскому и советскому колониализму, это делается без лишнего шума и громких символических шагов, которые могли бы привлечь внимание российских СМИ.

Российское общественное мнение до сих пор не созрело для трезвой оценки имперского прошлого и последствий российского и советского колониализма для покоренных народов. В отношениях с соседями в Центральной и Восточной Европе это ведет к фронтальному противостоянию между национальными нарративами. Однако в отношениях с Казахстаном отсутствие постколониальной рефлексии хотя и заслуживает порицания, но не позволяет накалиться страстям. В российском общественном сознании отсутствует фигура «казахского националиста», которую можно было бы быстро возвести в ранг пугала, подобного «украинским фашистам», – ключевому элементу российского нарратива, оправдывающего аннексию Крыма и поддержку сепаратистов в Донбассе. Конечно, хотелось бы, чтобы Россия примирилась с собственным прошлым более демократическим

образом, но на данном этапе далекое от идеала равновесие, пожалуй, лучше, чем открытая конфронтация.

Несостоятельность аналогий

Драматические события 2014 года научили нас не сбрасывать со счетов возможные сценарии лишь потому, что они противоречат рациональным (как нам кажется) нормам международного поведения. Тем не менее, вне зависимости от особенностей политической рациональности, лежащей в основе тех или иных действий, вопрос о возможностях остается существенным элементом оценки рисков. В этой аналитической записке я обратил внимание на один из центральных моментов, которые режим, подобный путинскому, не может не принимать во внимание: необходимость обеспечить легитимность своих действий в глазах собственного населения. Кремль считает, что Запад ведет против России необъявленную войну, используя соседние государства с целью в конце концов добиться смены российского политического режима. Именно по этой причине он вынужден проводить внешнюю политику, которая соответствовала бы общественным ожиданиям: отступление от этого принципа означало бы подрыв основ внутренней стабильности, в сохранении которой состоит смысл существования нынешнего режима.

Путин сумел воспользоваться тревогой за судьбу «соотечественников» для оправдания аннексии Крыма и поддержки восточно-украинских сепаратистов. Вместе с тем, даже если Казахстан, как и Украина, воспринимается как составная часть «русского мира», эта часть представляется россиянам дружественной и органичной. У казахстанских русских, без сомнения, много проблем, но они обычно не попадают в сферу внимания российских СМИ. Для последних гораздо важнее роль страны как ключевого партнера по ЕаЭС и союзника Москвы в Центральной Азии.

До тех пор, пока это восприятие доминирует и удастся избежать открытых провокаций (например, открытых нападков на этнических русских со стороны радикалов-националистов), Кремль не сможет оперативно воспользоваться концепцией «русского мира» для оправдания интервенции. В этом (и только в этом) отношении аналогия с Украиной представляется несостоятельной. Даже если Москва решит использовать лозунг защиты «соотечественников», ей придется сначала обеспечить мобилизацию российского общественного мнения против Казахстана. Прежде, чем начинать массированную

пропагандистскую кампанию, нужно будет заложить ее предпосылки. Пока мы не видим явных признаков подготовки такой кампании в российском публичном пространстве, любое нарушение постсоветского территориального размежевания в этой части «русского мира» представляется крайне маловероятным.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке. www.ponarseurasia.org